

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А.Кулешова

НА ЗАРЬ ЖИЗНИ.

(Изъ школьныхъ воспоминаній.)

Могучая волна, всколыхнувшая за послѣднія десять лѣтъ жизнь нашего отечества, вынесла изъ глубокихъ нѣдръ моря житейскаго на самый верхъ свой животрепещущій и насущнѣйшій вопросъ о народномъ образованіи, приподняла его воочію всѣхъ и невольно заставила обратить на него серьезное вниманіе. Этимъ важнымъ и сложнымъ вопросомъ заинтересованы и правительство и законодательныя учрежденія, и общество, особенно, родители и, многочисленная армія учителей. За послѣднія десять лѣтъ бюджетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія болѣе чѣмъ учетверился. Во всемъ объемѣ всталъ и близокъ къ осуществленію вопросъ о всеобщемъ обученіи; низшая начальная школа совершенствуется; широкой рѣжкой начинаетъ вливаться въ народныя массы повышенное начальное образованіе въ лицѣ свѣтлаго явленія школьнаго строительства — «высшихъ начальныхъ училищъ», открываемыхъ теперь, кромѣ городовъ, въ се-

лахъ, посадахъ, станицахъ и вообще въ населенныхъ пунктахъ Имперіи. Организуются съѣзды учителей, устраиваются учительскіе курсы; начинается намѣчаться и проникать понемногу въ жизнь вопросъ о внѣшкольномъ образованіи.

Все это невольно заставляетъ обращать взоры и впередъ и... назадъ. «Ученье свѣтъ, а неученье — тьма», говоритъ пословица; и по этой пословицѣ впереди свѣтлое будущее...

Но я, какъ-то невольно, оглядываюсь назадъ и вижу убогую сельскую школу на краю убогаго, бѣднаго села въ одномъ изъ уголковъ С—кой губерніи. Старое сѣрое зданіе, бывшее помѣщеніе волостного правленія; подслѣповатыя окна съ позеленѣвшими, играющими всѣми цвѣтами радуги стеклами; небольшая вывѣска съ черною полуистертою надписью «Б—ская сельская школа;» полуразвалившійся дворъ, небольшой огородъ для учителя и сторожа, и тутъ же, въ десяти саженьяхъ, густая заросль мелкаго березняка и олешника, переходящая въ перелѣсокъ и далѣе — въ дремучій лѣсъ, тѣсномъ кольцомъ охватившій село.

Было, помню, хмурое утро поздней осени, когда, 35 лѣтъ тому назадъ, насъ человекъ пятнадцать ребятишекъ 8—12-лѣтняго возраста собралось въ уголку довольно большой комнаты, съ длинными предлинными партами, съ чисто вымытымъ поломъ, въ ожиданіи учителя, который пріѣхалъ въ наше только что открытое сельское училище, и мы были, такъ сказать, первыми пионерами грамотности въ нашемъ селѣ и даже въ цѣлой округѣ верстъ на двадцать пять. Тогда и слыхомъ не слышать было про трехверстный радіусъ школьной сѣти: ближайшее училище, какъ я узналъ много лѣтъ спустя, отстояло отъ Б—ской сельской школы на 22 версты, въ селѣ И., а въ другую сторону до самаго губернскаго города, въ которомъ мнѣ впоследствии пришлось учиться, верстъ на тридцать не было школы. Теперь это можетъ показаться преувеличеннымъ: въѣдъ 35 лѣтъ не такой уже большой промежутокъ времени; но это такъ; народныя школы, по крайней мѣрѣ въ нашей С—кой губерніи, были въ то время очень рѣдки, и за 35 лѣтъ народное образованіе сдѣлало такіе гигантскіе шаги впередъ, что трудно представить, что будетъ въ этой области еще черезъ 35 лѣтъ. Поэтому неудивительно, что нашимъ родителямъ надо было имѣть большое мужество, чтобы отдать насъ учиться въ школу, а намъ большую смѣлость и отвагу, чтобы итти учиться; но привлекаемые новизной положенія, мы всѣ пошли въ школу охотно. Итакъ мы стояли и ждали учителя. Въ лѣвой отъ насъ стѣнѣ была дверь, на которую мы смотрѣли съ любопытствомъ и трепетомъ: въ эту дверь долженъ былъ войти въ классъ учитель, первый учитель первой сельской школы въ нашей мѣстности. Поэтому не только мы, ребятишки, но и наши родители, стоявшіе частью съ нами въ классной комнатѣ, частью въ сѣняхъ, не могли себѣ ясно представить это отвлеченное для насъ понятіе — «учитель»... И учитель вошелъ. Это былъ молодой человекъ, еще юноша, лѣтъ 19—20, съ коротко остриженными волосами и одѣтый по-«господски». Всѣ эти внѣшніе признаки легко бросились намъ въ глаза и помнятся до сихъ поръ, потому что они представляли рѣзкій контрастъ съ окружающею насъ средою и изобличали въ учителѣ человекъ иного круга, а не рядового крестьянина, какимъ, по нашимъ понятіямъ, ни въ коемъ случаѣ и не долженъ быть учитель. И хотя учитель нашъ, какъ намъ стало извѣстно впоследствии, окончилъ только духовное училище, но въ то время онъ былъ для насъ существомъ высшаго порядка, и мы сразу прониклись къ нему глубочайшимъ страхомъ и почтеніемъ. Послѣ, съ теченіемъ времени, мы хотя и присмотрѣлись къ учителю и не такъ уже робѣли передъ нимъ, но покорно слушались его и боялись вызвать его неудовольствіе и гнѣвъ. Въ гнѣвѣ своемъ онъ ставилъ насъ надолго на колѣни въ уголокъ или на

верхъ парты, что было очень мучительно, дралъ насъ за уши, или, схвативъ за вихорь, нѣсколько разъ ударялъ лбомъ о парту. Эти дисциплинарные приемы, быстрые и рѣшительные, производили на насъ удивительно умиротворяющее воздѣйствіе и заставляли насъ предварительно хорошенько подумать, прежде нежели пуститься въ баловство, быть разсѣянными на урокъ или шумѣть и разговаривать во время письменной работы въ классѣ; ибо занятія велись однимъ учителемъ въ одной комнатѣ сразу съ тремя группами, и учитель требовалъ отъ насъ тишины и порядка. Родители наши знали о всѣхъ этихъ мѣрахъ педагогическаго воспитанія и одобряли приемы молодого учителя, видя въ нихъ серьезное отношеніе его къ дѣлу и вѣрный залогъ нашего преуспѣванія въ наукахъ. Обыкновеннымъ, рядовымъ наказаніемъ служило оставленіе «безъ обѣда». Это тоже не особенно нравилось намъ, такъ какъ приходилось высиживать «безъ обѣда» часа по два, по три, а иногда и болѣе въ глубокой тишинѣ, такъ какъ учитель въ сосѣдней комнатѣ отдыхалъ послѣ обѣда и страшно не любилъ, когда мы начинали шумѣть и нарушали его сонъ: виновниковъ постигали горшія наказанія. Но шумѣть и болтоваться намъ, собственно говоря, въ это время было некогда: отходя на покой учитель задавалъ намъ массу самостоятельной работы и преимущественно рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ, ученія наизусть и списыванье съ книги. Всѣ задачи и числовыя упражненія изъ задачника Евтушевскаго, ч. I, были передѣланы нами по два и по три раза, исписывали мы множество тетрадей, такъ что къ концу третьяго года обученія мы могли рѣшать довольно трудныя ариѳметическія задачи, быстро дѣлать устные вычисленія и писать почти безъ этимологическихъ ошибокъ. Во время классныхъ занятій учитель занимался, обыкновенно, съ однимъ отдѣленіемъ, а два другихъ исполняли какія-либо самостоятельныя работы: списываніе съ книги, грамматическія упражненія, рѣшеніе задачъ, чтеніе евангелія, ученіе наизусть. Болѣе всего учитель занимался съ третьимъ отдѣленіемъ, потомъ съ первымъ, которое надо было выучить читать, писать и немного считать; второе же отдѣленіе было какъ бы въ загонѣ, потому что учителю не было никакой возможности вести занятія сразу съ тремя отдѣленіями и третью группу надо было приготовить къ экзамену. Трудъ учителя былъ очень тяжелый и заключался не столько въ томъ, чтобы самому учителю заниматься съ учениками, сколько въ томъ, чтобы наблюдать за ходомъ самостоятельныхъ работъ и поддерживать классную дисциплину. Но насъ, учениковъ, было мало, учились мы всѣ очень охотно, лѣнтяевъ почти не было, а поэтому учителю въ общемъ не такъ трудно было наблюдать за порядкомъ въ классѣ и вести учебныя занятія, какъ въ настоящее время въ часто до невозможности переполненныхъ классахъ. Особенно любили мы уроки чтенія. Читать и кое-какъ писать выучились мы въ первомъ отдѣленіи довольно скоро, за филипповскій постъ. Способъ обученія грамотѣ былъ нѣчто среднее между звуковымъ и буквослагательнымъ. Звуки мы называли то «а», «б», «в»..., то а, б, в. Учились по какой-то довольно древней азбучкѣ съ осмысленными чернымъ крестомъ съ сіяніемъ на заглавномъ листѣ. За азбучкою слѣдовали любимыя наши книги, которыми мы буквально зачитывались — это въ первомъ отдѣленіи «Родное Слово» годъ 1-й, а во второмъ — «Родное Слово» годъ 2-й К. Д. Ушинскаго. Книги эти были прочитаны нами десятки разъ, и помѣщенные въ нихъ стихотворенія, загадки, поговорки, скороговорки, басни и побасенки выучены наизусть. Прозаическія статьи «Изъ дѣтскихъ воспоминаній» («Р. С.» годъ 2-й), хотя и передающія чуждую намъ, сельскимъ ребятишкамъ, жизнь городского барскаго ребенка, тѣмъ не менѣе нравились намъ своею простотою, ясностью изложенія, задушевностью и тѣмъ, что точно передавали переживанія дитяти

и его чувствованія, независимо отъ среды и положенія, и на урокахъ самостоятельнаго чтенія чтеніе статей «Изъ дѣтскихъ воспоминаній» фигурировало на первомъ планѣ. Но особенно нравилось намъ такъ называемое объяснительное чтеніе, когда занимался съ нами самъ учитель и когда процессъ мышленія нашего былъ болѣе активенъ, когда разъясненія учителя по содержанию статьи, а иногда и по поводу прочитаннаго увлекали насъ и заставляли усиленно думать и размышлять. А какъ легко было увлечь и повести за собою наше юное дѣтское воображеніе, какъ легко было заставить работать нашу мысль, когда все занимало и привлекало насъ, все было ново. Изъ 1 года обученія насъ интересовали, какъ самостоятельныя работы, упражненія изъ «Родного Слова» годъ 1-й, гдѣ на поставленные вопросы надо было давать отвѣты, напримѣръ: соха — орудіе, а шлея? (сбруя — должны были мы отвѣтить); телѣга — экипажъ, а кафтанъ? Золото — металлъ, а кремень? Каша — кушанье, а вода? и т. д. Много было здѣсь курьезовъ. Особенно оригинальны были отвѣты, когда вопросъ выходилъ изъ тѣснаго круга пониманія окружающаго насъ міра. Были случаи, когда самъ учитель становился втупикъ и не могъ дать отвѣта, что отнюдь въ вину ему не ставилось, мы инстинктивно чувствовали, что и для обширнаго ума учителя есть невозможное. Изъ 2-го года обученія мы любили упражненія, заключающіяся въ томъ, чтобы угадать и рассказать, «что нарисовано на этой картинѣ?» Картины съ такими вопросами помѣщены были въ книгѣ «Родное Слово». Эти упражненія намъ легко удавались, такъ какъ картины большею частью имѣли сюжетомъ событія изъ Священной исторіи ветхаго и новаго Завѣта, и мы прямо рассказывали, придерживаясь учебника по Закону Божию, который мы хорошо знали, такъ какъ законоучитель, сельскій батюшка, отецъ Андрей былъ очень строгъ и шутокъ не любилъ... Эти упражненія были прототипомъ объяснительныхъ бесѣдъ по картинамъ, при чемъ теперь существуютъ цѣлая серія стѣнныхъ картинъ, весьма разнообразныхъ по содержанию, хорошо исполненныхъ и служащихъ для нагляднаго преподаванія. Но въ то время о наглядности преподаванія въ сельской школѣ не было и рѣчи. Всѣ наглядныя пособія, которыя имѣлись въ нашей школѣ, — это были голыя бревенчатыя стѣны и на нихъ два гравированныхъ портрета: Императора Александра II и Осипа Ивановича Комисарова въ простыхъ рамкахъ, да въ красномъ углу классной комнаты находился въ кѣтѣ большой образъ Св. Благовѣрнаго князя Александра Невского. Вотъ и все! Правда, вокругъ школы и села простирались поля, луга, долины; роши и лѣса; недалекѣ пробѣгала небольшая рѣчка, въ самомъ селѣ было два пруда — все это были живыя наглядныя пособія, живая открытая книга матери-природы, неисчерпаемый источникъ для бесѣдъ и размышленій; но учитель не обращалъ на это никакого вниманія, не могъ раскрыть эту великую живую книгу и хотя немного прочесть намъ изъ нея и хотя бы въ общихъ чертахъ посвятить насъ въ изученіе окружающей насъ природы и ея тайнъ.

Природа для насъ была глуха и слѣпа; ея силы, ея проявленія, ея основные законы были для насъ мертвы и таинственны, полны чудеснаго и волшебнo-сказочнаго. Лѣса изобиловали грибами, ягодами, звѣрями, птицами и... лѣшими; въ рѣчкахъ водились раки, стада окуней, плотвы и другой рыбы, а въ черныхъ глубокихъ омутахъ жили «водяные»; въ прибрежныхъ густыхъ заросляхъ, полныхъ таинственнаго сумрака даже въ ясный лѣтній полдень, качались на гибкихъ вѣтвяхъ плакучихъ ивъ зеленокудряя русалки. Правда, за цѣлое лѣто мы выхаживали всѣ заросли, перелѣски, роши и луга, набирали огромное количество ягодъ и грибовъ, видали зайцевъ, ежей, гадюкъ, изрѣдка волка и... ни одного лѣшаго; въ рѣкѣ — ни одного водяного, хотя жаркими лѣтними днями мы не выходили изъ

рѣчки, купались по десяти разъ на день, ловили рыбу и раковъ, бродили по густымъ зарослямъ прибрежнаго лозняка — и ни одной русалки, кромѣ необыкновеннаго множества сорокъ, которыя особенно любятъ вить гнѣзда и жить въ прирѣчныхъ ивнякахъ, въ гущѣ лозовыхъ кустовъ. Цѣлое лѣто мы жили «на лонѣ природы», ни о чемъ не думая и не утруждая своего мозга никакой умственной работой, жили, какъ говорится, растительной жизнью, набираясь силъ и здоровья, и только поздней осенью приходили въ школу окрѣпшіе, загорѣлые, выросшіе, чтобы опять съ новыми силами погрузиться въ книжную мудрость, «въ науку», чтобы дать работу отдохнувшему за лѣто мозгу. И мозгъ нашъ послѣ продолжительнаго отдыха охотно принимался за работу. Мы съ увлеченіемъ начинали учиться, и какъ-то легко управлялись и съ квадратными и кубическими мѣрами и съ пресловутой буквой «ѣ», главнѣйшіе случаи употребленія которой запомнились какъ-то сами собой. Годы шли. Для чтенія служила уже книга Водовозова, гдѣ, кромѣ статей беллетристическаго характера, были статьи географическія и этнографическія, историческія, по природовѣдѣнію и техническія. Чтеніе было разнообразное и занимательное; но, увы, многія статьи, особенно по естествознанію и физикѣ, несмотря на свое популярное изложеніе, были недоступны пониманію не только насъ, учениковъ, но и нашего учителя, — статьи, оставшіяся навсегда для многихъ изъ насъ «terra incognita», но могущія въ свое время многое объяснить намъ въ окружающей насъ природѣ — ея жизни и явленіяхъ.

Но учитель въ этомъ не былъ виноватъ: онъ совершенно не зналъ естественнoисторическихъ наукъ. Онъ усердно и добросовѣстно занимался съ нами, третьей группой, съ утра до вечера по ариметикѣ — рѣшеніе задачъ, по русскому языку — грамматическія правила, чтеніе русское и церковнославянское и диктовка, изложенія писали очень рѣдко, и къ экзамену мы легко справлялись со всѣми задачами сборника задачъ Евтушевскаго ч. I, не боялись буквы «ѣ», хорошо читали по-русски и славянски. И когда насталъ день экзамена, на который пріѣхало никогда невиданное нами учебное начальство, экзаменаторъ въ лицѣ инспектора С—аго 6-класснаго городскаго училища г-на В., то мы встрѣтили его во всеоружіи своихъ знаній, и всѣ семь человѣкъ третьяго отдѣленія, семь первыхъ грамотеевъ села, пять мальчиковъ и двѣ дѣвочки, отлично выдержали экзамень, заслужили похвалы и въ награду всѣ получили по книжкѣ священной исторіи Базарова. Учитель сіялъ; мы ликовали и были «на седьмомъ небѣ», какъ говорится. Это было въ апрѣлѣ; а въ августѣ этого же года я учился уже въ губернскомъ городѣ С. Вотъ въ общихъ и краткихъ чертахъ строй жизни нашей Б—ской сельской школы 35 лѣтъ тому назадъ. Центральной фигурой въ ней, какъ и теперь, былъ учитель. Онъ былъ «душа школы», а мы, ученики, только сырой матеріаль. Простъ и не ученъ былъ нашъ учитель. Тогда почти еще не было дипломированныхъ учителей изъ окончившихъ учительскія семинаріи. Просто и несложно тогда было и ученіе въ сельской школѣ: учили читать, писать и считать, а также и Закону Божію. Просты и, такъ сказать, «домашни» были отношенія между учителемъ и учениками. Но учитель съ любовью и добросовѣстно относился къ дѣлу, и мы усердно занимались, хотя занятія наши носили чисто книжный сухой характеръ. Учитель, повторяю, не могъ дать намъ многого, не могъ объяснить намъ даже самыхъ обыденныхъ явленій окружающей насъ жизни, но онъ умѣлъ вложить въ насъ жажду знанія, любовь къ ученію, особенно къ чтенію, умѣлъ подойти къ намъ запросто и безъ затѣй, безъ мудреныхъ словъ, безъ высокопарныхъ выраженій, передавая намъ лишь то, что мы могли вмѣстить въ нашихъ дѣтскихъ головахъ. Учитель близокъ былъ намъ, мы это чувствовали, свою про-

Стою, своею безыскусственностью и въ концѣ-концовъ умѣлъ заслужить наше довѣріе.

Недостатокъ образованія и педагогической подготовки учитель искупалъ вышеупомянутыми своими качествами, и мы полюбили своего учителя; и то, что онъ ставилъ насъ иногда на колѣни на острый верхъ парты, нисколько не уменьшало нашей къ нему привязанности и принималось нами какъ должное возмездіе за школьные проступки и прегрѣшенія наши. И жилось и училось намъ легко, и эти школьные годы, на зарѣ жизни, не забудутся до конца дней.

Теперь не то. Много воды утекло за 35 лѣтъ; жизнь крайне осложнилась во всѣхъ отношеніяхъ и требуетъ отъ людей большаго напряженія силъ. Осложнилась и жизнь нашей начальной народной школы и большихъ знаній, большей энергіи, большихъ затратъ силъ требуетъ она отъ учениковъ и учителей. Учить и учиться стало труднѣе.

Но теперь, въ соприкосновеніи съ дѣтьми, мы уже являемся объективными наблюдателями: трудно зрѣлымъ людямъ вновь войти въ переживанія 10—13-лѣтняго мальчика-ученика и точно судить о его чувствованіяхъ по тѣмъ чувствованіямъ и переживаніямъ, которыя испытывали мы сами въ низшей начальной школѣ, въ пору своего дѣтства и которыя теперь значительно уже потускнѣли и отодвинуты заботами жизни въ отдаленные уголки памяти. Теперь во многомъ измѣнилась внѣшняя обстановка школы, пріемы и методы преподаванія, отношенія, программы; и очень можетъ быть, что все, воспринимаемое теперь ребенкомъ извнѣ, запечатлѣвается имъ нѣсколько иначе и комбинируется въ инныя формы, иные образы. Объ этомъ мы можемъ судить не только *a priori*, но и *de facto*: юное поколѣніе представляеть почти всегда во многомъ рѣзкій контрастъ съ предыдущимъ, оставляя проблему «Отцы и дѣти» открытымъ вопросомъ. Особенно рѣзко бросается въ глаза это различіе въ нашъ, какъ говорится, «нервный вѣкъ». И поэтому учителю приходится много читать и серьезно думать, прежде нежели приступить къ исполненію своихъ тяжелыхъ обязанностей — воспитанію и обученію порученныхъ ему дѣтей, «молодого, незнакомаго племени», чтобы, съя пшеницу, не посеять, ненарокомъ, въ дѣтскія души и плевелы. Много книгъ написано для руководства учителю, облегчающихъ его трудъ и указующихъ лучшіе пути на тяжеломъ педагогическомъ поприщѣ.

Но предъ глазами народнаго учителя всегда имѣется одна лучшая живая наглядная книга — классъ въ 50 и болѣе учениковъ и ученицъ, по которой можно учиться всю жизнь и которая, какъ сама жизнь, вѣчно измѣнчива, вѣчно полна новизны и интереса. Сколько типовъ, сколько разнообразныхъ характеровъ проходитъ изъ году въ годъ предъ учителемъ въ лицѣ его учениковъ. И вотъ здѣсь, среди своихъ питомцевъ, учитель пріобрѣтаетъ опытъ, лучшій руководитель всякаго дѣла, пополняетъ свои педагогическія знанія и почерпаетъ силы для своего тяжелаго подвига — учительства: *въ помощь учителю является экспериментальная педагогика.*

Теперь сельская начальная школа, а съ нею учителя и ученики, находятся въ несравненно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ 35 лѣтъ тому назадъ, и само ученіе приняло другой характеръ, другой оттѣнокъ: основой преподаванія берется наглядность обученія, проводится идея примѣнимости ученія, даже въ начальной школѣ, къ практической жизни; значительно расширяются программы начальныхъ школъ, въ курсъ которыхъ вводятся природовѣдѣніе, исторія и географія Россіи, начатки геометріи и много другихъ полезныхъ прикладныхъ знаній (ремесленные и рукодѣльные классы, черченіе, рисованіе и проч.), вводится 4-лѣтній

курсъ ученія, который намъ кажется краткимъ для успѣшнаго выполненія намѣченной обширной программы¹⁾. Въ связи съ реформой начальной школы приподнять и образовательный цензъ учащихся, который въ настоящее время, въ связи съ болѣе строгими требованіями, предъявленными къ начальной школѣ, оказался вновь недостаточнымъ, и часто раздаются голоса не только въ обществѣ и прессѣ, но и изъ среды самихъ учащихся, что ихъ знаній недостаточно, что они не могутъ справиться съ требованіями, предъявленными жизнью къ начальной школѣ, что надо повысить курсъ учительскихъ семинарій и женскихъ гимназій, и тогда только при самой интенсивной работѣ можно будетъ учителю удовлетворительно пройти намѣченный курсъ 4-лѣтней начальной школы во всемъ его объемѣ.

Широкіе горизонты всевозможныхъ знаній развертываются предъ учащимися начального училища въ настоящее время по сравненію съ тѣмъ, что было 35 лѣтъ тому назадъ и даже не въ далекомъ прошломъ, когда во многихъ уѣздахъ сплошь и рядомъ учительскія мѣста заполнялись окончившими трехклассныя женскія прогимназіи по недостатку учителей-семинаристовъ. Широкое поле дѣятельности открывается для учащихся.

Народнымъ учителямъ и учительницамъ предстоитъ въ настоящее время задача огромной важности въ жизни страны. Надо пожелать имъ силъ и здоровья успѣшно справиться съ этой задачей на благо и мощь родины: учащимся съ свѣтлымъ и радостнымъ дѣтствомъ, а учащимъ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія исполненнаго долга.

И. Сердюковъ.